

— С 29 октября по 15 ноября 1980 года я был в Сочи на очередной - пятой - Международной школе по физике ионосферы, во второй раз, но теперь уже в качестве лектора. Оргкомитет (всё те же - Данилов, Юдович, Казимировский, Галкин) причислил меня к ведущим специалистам Союза по физике ионосферы и пригласил (ещё весной) прочитать четырёхчасовую лекцию на тему "Физическое моделирование ионосферы".

— Мне это было, конечно, лестно, и я, не раздумывая, согласился. Дабы оправдать доверие, к лекции готовился загодя и тщательно.

— От обсерватории "слушателями" поехали Володя Клименко и Коля Нацвалян. Поселили нас втроём в стандартной четырёхместной "каюте" того же корпуса в "Спутнике", в котором мы жили в прошлый раз - в 1976-м году. Одно место оставалось свободным - преимущество, предоставляемое лекторам, чтобы им было удобнее готовиться к своей лекции.

Володя Клименко и Коля Нацвалян, 5-я школа в Сочи, озеро Рица, ноябрь 1980 г.

— Я, кажется, ничего ещё не писал о Коле Нацвалян. Личность оригинальная и симпатичная. Молодой ещё, около тридцати, но толстый и с залысинами, отчего кажется старше своих лет, в очках. Отец - армянин, мать русская, родным языком считает русский и говорит безо всякого акцента. В Калининград приехал вслед за своей женой - Лидой, выпускницей нашей кафедры, дипломницей Пудовкина, а её сюда Пилюгин, кажется, заманил.

— Лида работала в НИСе КГУ под руководством Саенко, с которым, впрочем, общего языка не находила, и продолжала поддерживать связи с кафедрой, с Пудовкиным. Лида - женщина очень энергичная, коллективистка, увлечённая наукой, но увлечённая как-то сумбурно, пожалуй, бестолково даже, отчего с Саенко они и не сработались. Пробовала она и на Иванова работать - тоже не сошлись, т.е. ничего путного ей сделать не удалось. Лиде вредила именно её инициативность, заводившая не туда, куда надо, а быть простым

послушным исполнителем ей характер не позволял.

— В борьбе с Гостремом, потом с Никитиным и Брюхановым Лида всегда была на нашей стороне, активно в этой борьбе участвуя, тормоша и пристыживая трусоватых наших НИСовцев - Смертина, Захарова и других. Письма всякие составляла, собирала подписи и т.д., и т.п. Как на товарища на неё можно было положиться. Но характер у неё тяжеловатый, и Сашуля, например, считала её "странной" женщиной.

— Муж же её, Коля, по характеру - полная противоположность: молчаливый, необщительный. Как сама Лида говорила - только и знает, что шахматные партии в одиночку разбирать. По шахматам у него первый разряд - выполнил как-то, выиграв турнир по переписке. Но играл он, думаю, на уровне не ниже кандидата в мастера. Коля женился на Лиде ещё в Ленинграде, где он тоже поначалу учился в ЛГУ на физфаке, но был отчислен ещё на первом курсе, поскольку не смог сдать (за несколько заходов) историю КПСС. Его, разумеется, забрали в армию.

— После армии он восстановился в ЛГУ, а когда Лида, закончив вуз, переехала в Калининград, Коля перевёлся в КГУ. Но и здесь он завяз, и опять в общественных науках, и опять его отчислили. Коля мне как-то признался, что есть две вещи в жизни, которые он ненавидит: очереди и общественные науки. Коля устроился работать лаборантом в НИСе. Лида, однако, заставила его снова восстановиться в КГУ, на этот раз на вечернем отделении математического факультета, где он и числился теперь на четвёртом курсе, волоча за собой по-прежнему хвосты по диамату и научному коммунизму. Математика же ему давалась очень легко и на своей лаборантской должности он выполнял работу эмэнэса не хуже дипломированного специалиста.

— Работал он под руководством Саенко, который им был очень доволен и, как только представилась возможность (когда ушла Лида Хаустова), перевёл его в обсерваторию к себе под начало на должность старшего лаборанта и вот - командировал его сюда на Школу, где Коля был единственным специалистом без высшего образования, но имеющим уже научные публикации (совместно с Саенко). В общении со знакомыми, своими людьми Коля прост, естественен, не лишён чувства юмора, весьма даже приятен, а так - выглядит букой.

— При регистрации я узнал от Аллы Николаевны Суходольской (кажется, именно на этой сочинской Школе я видел её в последний раз), что здесь Славик Ляцкий, чему страшно обрадовался. Его ещё никуда не поселили, так как у него не было путёвки - решил в последний момент приехать без приглашения. Я предложил свободное место в нашем номере, и Славика поселили к нам.

— Вторая неожиданная и приятная встреча на лестнице жилого корпуса - с Гудрун. Мы оба очень обрадовались друг другу и расцеловались на радостях. Из близких друзей ещё и Лариска Зеленкова здесь оказалась. Лариска, как и я, не пропускала ни одной ионосферной конференции или семинара, тоже готовилась к защите, только кандидатской.

— Встретил Жору Хазанова и от него узнал, к своему огорчению, что Валерия Михайловича на Школе не будет. Я живописал Жоре свою ситуацию, что меня не выпускают на секцию, так как нет докторского отзыва, что Марс мурыжил мою диссертацию полгода, да так отзыва и не написал, я с ним разругался, очень рассчитывал встретиться здесь с Поляковым, чтобы просить отзыв от него к секции. Специально и два экземпляра диссертации сюда приволок - для Полякова и, может, ещё кому дать придётся.

— Жора посоветовал мне, не откладывая и не стесняясь, телеграфировать Валерию Михайловичу просьбу послать отзыв в ИЗМИРАН к секции и написать ещё письмо, а он в поддержку моей просьбы тоже письмо напишет. Поблагодарив Жору, я так и поступил: отправил Полякову и телеграмму, и письмо, а буквально, через пару дней от Полякова пришла телеграмма, в которой он обещал мою просьбу выполнить.

— Почти всё своё свободное время я проводил в разговорах со Славиком. С ним же и в шахматы играл, а также с Колей, и в холле гонял блиц на высадку, но там я не

задерживался, так как кругом были мастера, и я выигрывал чрезвычайно редко, но держался нахально и, не стесняясь, занимал очередь. Славик же и раньше у меня выигрывал, а теперь стал играть, как мне показалось, ещё сильнее, обыгрывая меня раз за разом.

— Первым делом я расспросил Славика, как у него дела с диссертацией.

— А никак, - спокойно ответил Славик.

— Что значит никак? - удивился я. - Ты хоть выяснил, в чём дело, почему твою работу сняли с защиты?

— Нет.

— Почему?

— Я решил одержать над ними моральную победу. Они ждут, когда я приду к ним выяснять, а я не иду. Пусть они меня сами позовут, должно же им стать неудобно передо мной.

— Кому им?

— Да хоть Распопову.

— Жди, дождётся. Прямо они там сгорели от стыда. Больно ты им нужен.

— Ну и ладно. А я к ним на поклон не пойду.

— Ну, Славик, ты даёшь! А как семейные дела? Квартиру дали вам с Таней?

— Дали однокомнатную, малюсенькую такую.

— А как Аллочка?

— Она в старой с детьми осталась.

— Встречаетесь с ней?

— Ну, а как в Апатитах разминёшься, да ещё в одном институте? Не здороваются со мной, детей ко мне не пускает. Я ей и квартиру, и гараж, и машину оставил, а она меня всё негодяем считает, детей бросившим.

— Интересно, что Лариска Зеленкова со Славиком не общалась и держалась с ним холодно. Как она мне рассказала, все бывшие знакомые Ляцких разделились на две партии, одна - за Аллочку, другая - за Славика. Так вот она на стороне Аллочки. Наверное из женской солидарности, тем более что Лариска сама не так давно развелась и воспитывала одна двоих детей. Но там-то всё было ясно - Виктор пил и чуть ли не бил её, да и образованием не вышел. А в этой истории с Ляцкими я ничего или почти ничего не понимал.

— Со слов той же Лариски я выяснил, что для Аллочки было неожиданным то, что Славик так быстро женился после развода. Этим-то она и оскорбилась более всего. В глубине души она надеялась, наверное, что Славик не сможет жить без неё и детей и вернётся, а тут все концы обрубались. Чёрт его знает. Быть может, сначала мотивы развода были сугубо внутренними, и сам развод представлялся чем-то вроде эксперимента, а тут - другая женщина, и всё приобрело другую окраску. Но это - так, догадки, домыслы... Я ни против Аллочки, ни против Славика ничего не имел и считал себя свободным от "партийной принадлежности".

— Со Славиком мы часто прогуливались по дорожкам территории "Спутника", по пляжу, беседуя о том, о сём. Говорили об Афганистане, о Картере, о бойкоте Московской олимпиады, которым Славик был очень доволен, а я не одобрял, считая верным принцип "Спорт вне политики", хотя и признавал, что на практике такого у нас, по крайней мере, никогда не бывает. Всякое международное спортивное соревнование вольно или невольно является формой или, в крайнем случае, поводом для политической пропаганды, чем наши всегда и пользовались, провозглашая каждую победу советских спортсменов демонстрацией преимуществ нашего общественного строя. Но мне было жалко, что не состоятся такие интересные зрелища, как соревнования наших и американцев по баскетболу, лёгкой атлетике и т.д. Славик же напоминал, что Олимпиаду 1936 года, проходившую в фашистской Германии, бойкотировали многие демократические страны и это представлялось естественным...

— Ну, а самыми свежими были события в Польше, где летом прокатилась волна забастовок, возникла "Солидарность" - независимое от государства и ПОРП профсоюзное объединение, и правительство вынуждено было признать его и заключить с ним соглашение. Ясно было, что этим дело не кончится. Славик весь был поглощён польскими событиями, полон энтузиазма, и его огорчало, что я довольно равнодушно относился к происходящему.

— А я был весь под властью писем отца Ианнуария. После лета от него пока больше не приходило посланий, но и того, что я получил в Севастополе, было предостаточно.

— - Ничего у поляков не выйдет, - говорил я Славику. - Задавят их танками, да, не дай Бог, при этом ещё американцы вмешаются. Страшно представить, что начнётся. Наши ведь ни перед чем не остановятся.

— - Но возможен и мирный путь.

— - Сомневаюсь.

— - Ты просто не в курсе событий, не думаешь, не анализируешь.

— - Возможно. Меня это, действительно, как-то не очень сейчас волнует. Есть вещи и поважнее.

— - А что тебя волнует? И что может быть важнее борьбы за демократию?

— - Ответить на вопрос - зачем она нужна.

— - Ты, что, шутишь? Неужели тебе непонятно, зачем нужна демократия?

— - Да нет, понятно.

— - Тогда я тебя не понимаю.

— - Видишь ли, Славик, вопрос о демократии - он, конечно, важный. Но это всё-таки вопрос частный. Это вопрос, скорее, о форме человеческого общежития. А сначала надо выяснить, зачем человек вообще живёт, в чём смысл его жизни.

— - А-а, так вот ты о чём. Ты с Димой переписываешься?

— - Да, только он не Дима теперь, а отец Ианнуарий.

— - Ну, тогда ясно. Конечно, это тоже интересно.

— - Для меня это сейчас интереснее всего. Ведь это основа основ. Не зная ответа на этот вопрос, что толку от остальных?

— - Вот демократия и нужна для того, чтобы все могли высказывать свои мнения, тогда и будет можно найти ответы на все вопросы.

— - А пока демократии нет, самому не думать, что ли? Ждать победы демократии?

— - Нет, конечно. Только ведь это страшно трудно, а, может, и невозможно - самому найти ответ на вопрос о смысле жизни вообще. Недаром эти вопросы проклятыми называют.

— - Но, есть же люди, которые считают, что знают ответ. С ними можно общаться, беседовать или переписываться.

— - В недемократическом обществе тебя и этого могут лишить. И потом - ты думаешь, Дима знает ответ?

— - Думаю, да.

— - А мне кажется - нет. Думаю, что это вообще недоступно человеческому мышлению.

— - Что-то, может, и недоступно. Но что доступно, то должно узнать, понять, поверить...

— - Это, конечно, так. Но тот же вопрос о демократии - он жизненнее, конкретнее, не столь абстрактен, поэтому и волнует меня больше. На него вся живая политическая жизнь замыкается.

— - Всё это так, но помнишь Пушкина?

_____ "... И мало горя мне, свободно ли печать
_____ Морочит олухов, иль чуткая цензура
_____ В журнальных замыслах стесняет балагура.
_____ Всё это, видите ль, слова, слова, слова.
_____ Иные, лучшие, мне дороги права;

_____Иная, лучшая, потребна мне свобода:
_____Зависеть от царя, зависеть от народа -
_____Не всё ли нам равно? Бог с ними.
_____Никому
_____Отчёта не давать, себе лишь самому
_____Служить и угождать; для власти, для ливреи
_____Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи..."

_____Я познакомил Славика с Гудрун, они прониклись взаимной симпатией, и мы часто проводили время втроём, прогуливаясь, или попивая кофеёк. Я вспомнил как-то нашу дискуссию о равноправии в поезде и рассказал анекдот, услышанный от Казимировского: "Одна женщина спрашивает подругу:

_____ - Поделись опытом, как это вы с мужем так мирно живёте?

_____ - О, это очень просто. Мы сразу разделили наши обязанности. Я занимаюсь мелкими вопросами: где ему работать, будет или не будет у нас ребёнок, куда мы поедем в отпуск... А он решает крупные проблемы: будет или не будет война, кто будет президентом..."

_____Гудрун этот анекдот очень понравился.

_____У неё со Славиком оказался общий знакомый, немец, близкий приятель, друг семьи Гудрун. Теперь он жил в ФРГ, сумел сбежать туда из какой-то заграничной командировки. Я спросил Славика про брата его, Вадима. Оказалось, он осел в Канаде, работает по специальности, всё вроде бы благополучно, но пишет только матери, очень редко и коротко. Славик расспрашивал Гудрун про отношение немцев к событиям в Польше.

_____ - По-разному, - ответила Гудрун. - Большинство считает, что эти поляки просто не умеют и не любят работать, и поэтому бунтуют. А я боюсь, чтобы не было как в Чехословакии, тогда это может быть очень опасно, если туда войдут советские войска.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) _____ [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)